

Сов. Россия - 1992. - 3 окт.

НЕДОСТОЙНО, НЕ ПО-МУЖСКИ

Владимир МАКСИМОВ

В последней книжке журнала «Москва» (№№ 5—6, 1992 г.) опубликована беседа с известным писателем Владимиром Максимовым. Приводим некоторые из его ответов

— Что нам нужно: рынок в условиях порядка и возвращения к прежнему территориальному делению. Назовите как угодно — штаты, области, губернии. А то вы даёте свободу республикам, но вдруг выясняется, что в каждой республике возникают границы, и внутри республик возникают границы, и так без конца. Разделение может дойти до улиц, домов и семей. А что делать людям смешанного происхождения? Оказывается, они никому не нужны. Выходит, все большие политики и все великие пророки ни за что не отвечают! Если бы я, к примеру, имел возможность руководить, возможно, я тоже оказался бы беспомощным. Легко судить со стороны. Но все-таки я твердо убежден в том, что путь, по которому сейчас идет молодая российская демократия, ложен и не приведет ни к чему, кроме самоубийства.

— Кажется, метод «путча» становится все более популярным. Не успели затихнуть отголоски августовских событий, как мир, особенно литературный, потрясла весть о новом перевороте, теперь уже в Союзе писателей. В новый творческий союз помимо писателей вошли и те, кто вообще не имеет отношения к литературе и даже нигде и никогда не печатался. Что вы думаете на этот счет?

— Меня угнетает мысль, что всеми этими разделениями как «справа», так и «слева» занимаются люди, которые при любой власти держались на поверхности. При любой власти их награждали орденами и премиями, предоставляли им всяческие привилегии, они разъезжали по всему миру. У меня такое впечатление, что, если завтра придет к власти Жириновский, они тоже будут на коне. А послезавтра — Владимир Кириллович — они снова на коне. А послепослезавтра придет новый русский Гитлер, и они окажутся вновь на коне. Как они ухитряются все время быть на коне?! Говорят, что люди должны меняться. Согласен, человек, который не меняется, опасен. Но почему тогда эти люди не меняются самостоятельно, а только вслед за очередным руководством? Потом я понял: эти люди никогда не плывут против течения. Я, предположим, не согласен с точкой зрения Лимонова, к которому отношусь с величайшим неуважением во всех отношениях: и в профессиональном, и в личном. Но он имеет мужество сказать наперекор тому, что общепринято. Это дорого стоит, и это называется интеллектуальной честностью или интеллектуальным мужеством.

Один из уважаемых мною писателей, член нового евтушенковского союза, еще до «путча» показал мне устав с прекрасно составленными целями и задачами. Прочитав, я понял, что его надо сильно сократить, оставив, быть может, лишь третий от конца абзац, касающийся дела Литфонда. Ради этого, собственно, все и было затеяно. К чему же красивые слова? И я ему заявил, этому человеку, которого уважаю: вы много говорите о литературе, а заканчиваете делом денег. Я перестаю верить в вашу искренность, в вашу любовь к литературе и в вашу заинтересованность в обновлении Союза писателей. Все это игры шкурного характера, которые меня отвращают и угнетают. Тем более что во главе этого союза я опять-таки вижу Евтушенко. Когда же прекратятся его, мягко говоря, метаморфозы? Когда он говорит об экологии, я ему также не верю. Я тут же вспоминаю его поэму «Братская ГЭС», в которой он воспекает экологическую катастрофу в Сибири и за которую получает неплохие материальные и политические дивиденды. Когда он пишет о своей любви к Америке и к американскому народу, я так же сомневаюсь, потому что в поэме «Мама и нейтронная бомба» именно Америку и американский народ он обвинил в агрессии по отношению к Советскому Союзу. Я не верю и в его антикоммунизм, так как до сих пор он гордится своей дружбой с Фиделем Кастро.

Кем же мне прикажете считать Евгения Александровича? Уж не говорю о профессиональном уровне его произведений, который, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Изначально талантливый, он постепенно скатился до агиток. А то, что он набирает себе людей, вполне понятно: ему нужно войско.

Ему нужна численность, на которую он будет ссылаться и опираться. У нас в истории уже был пример, когда писателями руководили непрофессионалы, даже не писатели, например Воронков. Я за обновление союза, но лишь во главе с профессиональными писателями. Помните союз в сталинские времена, которым руководили Симонов, Твардовский, Исаковский, Вишневский, Эренбург. Эти «сталинисты» были лучшими тогда писателями. Почему же сейчас из среды перестроечных писателей выбираются худшие?

— А страдают, как водится, читатели. К тому же некоторые из прорабов перестройки предпочитают закрыть ряд изданий, например «Наш современник», «Литературная Россия», «Московский литератор». И это в разгул плюрализма! Саботировалась подписка на «Московский вестник», в котором, кстати, опубликован и ваш роман «Ковчег для незваных». Интересно, случается ли подобное в странах Европы и можно ли этого избежать?

— Ненависть к оппоненту. На Западе это тоже присутствует, только там выработано определенное законодательство, не позволяющее людям съест друг друга. Там такая же нетерпимость по отношению друг к другу, как и здесь, но она отрегулирована. Что такое плюрализм? Это мирное, регулируемое законом сосуществование разных точек зрения. Предположим, вы напечатались в газете «Монд», значит, вас никогда уже не опубликуют в «Фигаро». И наоборот. Каждый выражает строго определенную политическую позицию. Но никто не ставит своей задачей закрыть какое-то издание. Пусть существует.

Я считаю себя антикоммунистом — вспомните, что писали обо мне советские газеты, да и западные, пожалуй. В то время это была далеко не модная позиция. Зато сейчас — все сплошь и рядом антикоммунисты. Тем не менее я против того, чтобы закрывать компартию, что сделал бывший секретарь ЦК. С его стороны это недостойно. Это даже не по-мужски. Пусть они существуют. У них надо отнять привилегии, которыми они пользовались, — привилегии на бумагу, распространение, рекламу. Поставить их в равные условия со всеми, но закрывать... это плохой прецедент. Если сегодня закрыли вы, то завтра закроют вас.

Да, я против коммунизма. Я вообще нахожу коммунистическую идеологию преступной. Но преследовать коммунистов я бы не стал. Сейчас многое становится известным об их преступлениях перед народом, но пусть у них будет возможность доказать свою правоту. Даже если их никто и не поддержит. Докажут — значит они имели на это право. Нельзя часть общества выкинуть за пределы политической и социальной игры — это было бы несправедливо и губительно для самого общества. Если же они никого не представляют, то умрут естественной смертью. Но круг определенных лиц, считающих себя радикальными демократами, почему-то не хочет с этим согласиться. Наверное, потому, что среди них — немало тех, кто принимал непосредственное участие во всех этих преступлениях.

— Несколько слов о жизни и творчестве вдали от России?

— Мои семнадцать лет, проведенные на Западе, подтвердили старую теорию: все люди одинаковы. Не надо строить иллюзий. Красивы витрины магазинов, колбаса и водка — в изобилии. Но люди повсюду с теми же пороками и недостатками.

Что касается моих творческих планов... В связи с тем, что происходит в стране — а я именно этим сейчас очень занят, — у меня пропало большое дыхание. Я не могу уже одолеть больших вещей. Никогда не могу сосредоточиться на серьезной литературной работе, особенно когда вновь и вновь вижу, что происходит в России. Ко всему остальному буквально теряется интерес. Трагическую ситуацию, в которую попала наша страна (пусть даже это необходимый этап), нужно скорее преодолеть. Перечитывая Тацита, я с удивлением обнаруживаю, что и в те времена случалось подобное. Но меня это мало утешает, потому что жить мне осталось — всего ничего. И если я буду одной из жертв этого этапа, мне легче не станется того, что будет через 30—40 лет. Как говорят пессимисты: «Так плохо, что хуже уже не бывает». «Будет хуже, мы уверены!» — говорят оптимисты.

270